Идея литературных чтений «Они ушли. Они остались» покоилась на трёх китах: эстетизация смерти, обострённое чувство культуртрегерской совести и нежелание писать кандидатскую диссертацию, которой обязал себя тем памятным летом.

Прекрасно помню этот момент зарождения memory idea: август 2012-го, памятник Достоевскому у Библиотеки имени Ленина, в ожидании запаздывающей подруги читаю интервью Ивана Волкова, опубликованное в журнале «Новая реальность». *«Хочу вспомнить Лёню Шевченко, прекрасного, яркого поэта, погибшего в 2002 году. Ты всегда очень хорошо отзывался о его стихах. Через десять лет после смерти о нём практически забыли. <…> Что касается твоего культуртрегерства: у тебя нет планов сделать какие-нибудь памятные мероприятия, посвящённые Шевченко, тем более в этом году ему исполнилось бы 40 лет»*, — спрашивает Александр Переверзин. Ответ: *«Где сделать? В Костроме? Это несерьёзно…»* К тому моменту я достаточно активно занимался организацией вечеров для молодых поэтов. Стало яснее ясного, что поговорить о тех, кто уже не может принести свои стихи в редакцию, заявить о себе иным образом, — куда более серьёзно, чем иные культуртрегерские занятия. И более чем серьёзно.

Вернувшись домой после летнего отпуска, я предложил идею трёхдневного мероприятия Ирине Медведевой, не сомневаясь, что она окажется ей биографически близка.

Посыпавшийся на нас поток одобряющих комментариев от редакторов, критиков, случайных читателей, разными словами говорящих одно: «Затея нужная. Действуйте», и ошарашивающее количество имён «забытых и недооценённых» не оставляли вариантов, чем мы будем заниматься в ближайшие три месяца. Выбранный нами период — 90-е и 2000-е, к которым с какой-то грустной естественностью хода времени «присоединились» 2010-е — можно обозначить как период безвременья, оторванности читателя от поэзии, поэтому охватить его показалось наиболее важным.

Поэты уходили из жизни на протяжении всех этих четырёх лет (как едко, горько и точно заметила Наталия Черных в одной из первых статей, опубликованных о чтениях: «*а люди всё прибывают, и полагаю, что в следующем году фестиваль продлится уже четыре дня*»). Чтения всё так же длились три дня в году и собирали полные залы неравнодушных. Литпроцесс с его иерархичностью шёл своим чередом, а за его оградой «происходило нечто масштабное и необходимое, никак не связанное ни с культурной политикой государства, ни с актуальной литературой», по точному замечанию той же Черных. Мы, организаторы, оставались, но менялись в обоих смыслах — и мировоззренчески, и в смысле состава команды, которая в 2014 году пополнилась Еленой Семёновой, много сделавшей для проекта. Менялось моё отношение к смерти (в сторону меньшей романтизации) и отношение к поэзии (в сторону большей ответственности за качество текстов ушедшего, вне зависимости от количества прожитых лет). Смерть не является эстетическим фактором, а потому и основанием для выступления на чтениях, которые носят название литературных. Но смерть талантливого человека таким основанием, безусловно, является. Как отказать родственнику, другу, предлагающему кандидатуру поэта

малоинтересного или не соответствующего выбранным хронологическим рамкам? Все эти мысли, этические препоны, сомнения в своём праве ответственности роились в голове, и на какое-то время я был готов оставить проект. Однако стороннее «действуйте», произносимое разными голосами, побуждало остаться — во всех смыслах. Да и — в чьи руки передать хранение памяти? А к всевозможным милым эпиграммам, что-де смерть человека становится своеобразным «приобретением» для литературной программы, — я и сам порой готов присоединиться; впрочем, те, кто приходит на чтения и видит их атмосферу изнутри, обычно закрывают рот.

Неизменным все эти годы оставалось одно: взволнованные лица выступающих на «Они ушли. Они остались», строго и грустно, а порой равнодушно взирающие с большого экрана лица ушедших поэтов, неизменно неравнодушные письма людей с предложениями рассказать о талантливом поэте и друге ещё за год до очередного мероприятия. Приходилось делать нелёгкий выбор между биографией — и творчеством; между обстоятельствами биографии поэта, рано погибшего и не успевшего полностью реализовать дар, но оставившего несколько ярких стихотворений (всё-таки любит ли история сослагательное наклонение?) — и судьбой поэта абсолютно сложившегося. Всё больше приходило осознание значимости своей организационной роли в попытке налаживания мостиков — между поэзией и смертью, между *тем* миром и *этим*, между необходимостью помнить — и преодолением исконного людского беспамятства. И ради этого приходилось — может быть, чуть искусственно по отношению к пресловутому литпроцессу, но совершенно правильно по отношению к жизни — сближать фактически несоединимые, как гений и злодейство, вещи: этическое и эстетическое.

Теперь, спустя четыре года, ясно: бывают гениальные ошибки. Иронически, но и всерьёз называя «Они ушли. Они остались» «гениальной ошибкой Кутенкова» — перефразируя слова Пастернака о Литинституте; вспоминая фразу Тынянова о «неверных предпосылках, которые при правильном наблюдении фактов приводят к правильным результатам», я чувствовал прежде всего одобрение тех поэтов, которые за годы подготовки чтений стали уже родными людьми; это одобрение до сих пор держит и спасает. Абсолютное присутствие их среди нас — и даже соприсутствие — теперь закреплено в антологии. Подаренная друг другу возможность провести ещё немного времени в диалоге — выбор и заслуга прежде всего не составителей, а самих героев книги. До которых нам, — «оставшимся», чтобы говорить о них, — только шаг. Или несколько шагов — расстояние в очередной мемориальный рассказ, ныне уместившийся в несколько бумажных страниц.